

Участница эстрадного ансамбля Азербайджанского политехнического института Нина Ивашкина была близка к отчаянию. Неотвратимо наступал день республиканского смотра, а ноты «Школьного вальса» И. О. Дунаевского, который она должна была исполнять, ей никак не удавалось найти. И тогда будущий архитектор написала композитору. Надежд особых на ответ Нина не питала. Но вскоре получила теплый ответ.

Так завязалась переписка, которая продолжалась чуть более двух лет, до самой смерти И. О. Дунаевского. Письма эти представляют, на наш взгляд, большой интерес, так как открывают сравнительно малоизвестную грань таланта выдающегося композитора-песенника. Он

«ВОСПЕВАТЬ ТРУД, КАК ТВОРЧЕСТВО, КАК ДОБЛЕСТЬ!»

выступает здесь прежде всего как сердечный и уминый воспитатель. Каждая строка проникнута поистине трогательной заботой о будущем Нины, ее профессии. Как тонкий художник, И. О. Дунаевский довольно ярко и точно определяет болезни архитектуры конца сороковых — начала пятидесятых годов, ее нелюбимую, минимую торжественность. Заметно опередили свое время и заметки И. Дунаевского о выставочной архитектуре, в частности о некоторых павильонах тогдашней ВСХВ. Достижения советских зодчих в сооружениях последних лет ясно показывают, что они решительно отказались от того, о чем писал с такой тревогой композитор — не как специалист, а просто как человек, навечно преданный красоте, мечтавший о том, чтобы красота эта сопутствовала человеку во всем. Письма композитора привлекают в первую очередь тем, с какой страстью отстаивает И. О. Дунаевский свои убеждения, как настойчиво формирует творческие взгляды своей корреспондентки, ныне руководителя группы в крупном бакинском институте «Азпромпроект».

Ниже мы публикуем с небольшими сокращениями письма И. О. Дунаевского из его переписки с Н. Н. Ивашкиной-Акимовой.

Москва, 25.I.53 г.

Милая Нина! Конечно, у меня никаких оправданий для задержки в ответе на Ваше письмо нет. Но жалкая попытка оправдаться все же будет заключаться в том, что «Школьный вальс» был издан лишь в конце лета прошлого года, и я просто не успевал снабжать перепиской с рукописи огромное количество людей, просивших у меня эти ноты. Вы сами поймете, что при отсутствии издания* я должен был снабжать нотами профессионалов-исполнителей.

* Здесь и ниже выделено И. О. Дунаевским.

...Прошу Вас сообщить, нужен ли Вам еще этот вальс?

А еще прошу Вас не сердиться на меня и в любом случае простить.

С искренним раскаянием и приветом
И. Дунаевский.

14.III.1953 г.

Милая Нина! Я был очень рад Вашему письму и тому главному, что в нем есть: радости и увлечению выбранной профессией. Вы горды тем, что Вы — будущий архитектор, и я не сомневаюсь, что эта гордость станет переплавляться в знания, в успехи на Вашем пути к мастерству.

Теперь о Вашем предложении. Нет, Нина, ничего печальнее для песни, чем ограничение ее тематической жизни. Существуют много десятков, а м. б., и сотен профессий. И в нашей стране любая из них наполняется вдохновением, гордостью свершений, творческим порывом. Я лично не являюсь поклонником того взгляда, что самый термин «творчество» одинаково должен пониматься у каменщика и архитектора, у композитора и оркестранта. Вы правы: строитель — это еще не создатель. Или можно сказать так: исполнитель — это еще не создатель. Это бесспорно! Но творчество, как вдохновенное, энтузиастическое осмысление трудового процесса, присуще всякой профессии. И... об этом можно и надо петь! Воспевать труд, как творчество, как доблесть! Воспевать человеческий дух, порыв, как выражение красоты жизни, красоты человека! Воспевать патриотизм советских творцов, то есть всех советских людей, движимых единым чувством любви к Родине, порывом к счастью, движением к светлому будущему! Вот где песня звучит! В такой песне узнает себя и архитектор, и каменщик, и композитор, и исполнитель, и мастер, и рабочий, и металлург, и инженер! Песня должна обращаться к сердцам, а не к профес-

сиональным признакам. Мало что хорошего выходило из песен «ведомственного» характера. А писалось их много — песни о горняках, шахтерах, железнодорожниках! Поет их народ? Очень мало, и то только в тех случаях, когда песня затрагивает какие-то общие душевные струны всех людей («Сермовская лирическая», «Дальняя сторожка», «Шахтерский вальс»). Когда я в свое время написал «Пути-дороги», то железнодорожное издательство включило ее в сборник песен... о железнодорожном транспорте. Вы сами понимаете, что это так же глупо, как глупо считать «Анну Каренину» романом на ж.-д. тему из-за того, что Анна бросается под поезд. «Пути-дороги» — это песня о любви к Родине, о путях, по которым идет человек. Какую бы хорошую песню ни написать об архитекторах, ее будет петь (и то неизвестно еще) только небольшой отряд советского народа. А песни надо писать только для всего народа. К этому и стремлюсь я лично и до сих пор осуществлял это стремление неплано...

От всей души желаю Вам больших успехов. Если захотите написать мне, я буду очень рад.

С дружеским приветом

И. Дунаевский.

Москва. 25.X.1953 г.

Милая Ниночка! Весь сентябрь и половину октября я пробыл в Сочи — лечил сероводородными ваннами свои ноги... По Москве уже ходили слухи, что у меня отнялись ноги, что я умер и т. д. Но слухи эти оказались преувеличенными. Чувствую я себя хорошо, а кожу тихонько, так как ходить мне обязательно нужно, несмотря на боль в ноге и быструю утомляемость ступней...

Неимоверно огорчен тем, что мы не видались. Вы как раз посетили меня накануне моего приезда из Подмосквы (Руза). Теперь будем ждать встречи в Баку. Концерты мои в Закавказье должны быть где-то около весны, так как пока концертная деятельность для меня исключена. Я просто не смогу встать на ногах всего концерта, да и нельзя мне сильно возбуждаться и нервничать. А это при концерте неизбежно.

Итак, вам нравится Ленинград больше Москвы. Я вполне вас понимаю... Красота Ленинграда глубокая, волнующая и... сумасшедшая. В этом городе можно вдохновляться, любить, стремиться куда-то вывесь... Только в этом городе мог Евгений бежать от статуи Медного всадника. Только в этом городе мог быть Достоевский...

Я очень прошу вас писать мне. Сердечно Вас приветствую и желаю всяческих успехов.

И. Д.

Москва, 14.X.1954 г.

Дорогая Ниночка!

Я очень рад, что наша поездка по Москве доставила Вам радость и запала в Вашу память...

Вполне понятно, что Вы как молодой и пылкий архитектор обращаете свое главное внимание на то, что Вам близко по профессии. Я надеюсь, что это не мешает Вам обращать внимание и на другое. Дело в том, что архитектурную сто-

рону выставки** губит обычное для нас безвкусице, происходящее от желания ошеломить, выпятить во что бы то ни стало все великолепие наружу... Этот «шик» всегда в искусстве был вредоносен... Трагедия о проблемах благородной простоты в искусстве, у нас (особенно в архитектуре) не научились еще достигать именно этой простоты. Конечно, это самое трудное. Но ведь надо стремиться к этому. Аляповатость, провинциальный шик, желание вторить в постройку побольше колонн, побольше богатых материалов, эклектизм архитектурного языка — вот что, с моей точки зрения, характеризует нашу архитектуру и в том числе архитектуру выставочных павильонов (за малым исключением). Кроме того, часто мы не видим идеи павильона в его архитектурном выражении. ...Некоторые павильоны больше напоминают архитектуру кинотеатра или клуба, чем то, что они должны изображать.

Понятие подлинной красоты приходит к человеку, пожалуй, одним из самых поздних элементов его эстетического credo. Поэтому пусть Вас не смущают расхождения в наших оценках. Между мной и Вами лежит большая разница в годах и в жизненном наблюдении. Но вместе с тем Вы ведь не простой человек, а человек творческого труда, да еще такого, где красота (в отличие, например, от красоты музыки) является красотой видимой всеми, красотой зримой и осязаемой. Поэтому красота архитектуры имеет непосредственное действие на человека-зрителя. Но подлинная красота линий и форм заключается в изысканной и благородной простоте, а не в нагромождении красоты всяких побочных деталей. Я никогда не переставал удивляться тому впечатлению, которое производит на меня Ленинград в его классической архитектуре. Подходишь к совсем невысокому зданию. Вместе с тем ощущаешь огромную мощь этого здания, как будто перед тобой гигант. Это достигнуто, видимо, удивительными пропорциями линий и форм здания. Я вовсе не за аскетическую архитектуру. Я и за красивые детали, за украшения. Но все это должно быть подчинено общей идее и задаче, а не главенствовать, чтобы поражать.

Так и женщина иная — напаяла на себя дорогие меха, бриллианты, а все же оставляет впечатление убожества и дешевого шика. А другая в скромном наряде, отдельными деталями подчеркивающим то, что этой женщине нужно, что гармонирует с ее фигурой, цветом волос, глаз, лица, что способно устранить внешние недостатки этой женщины, — производит эстетическое впечатление.

Поэтому развитие, непрерывное совершенствование вкуса у художника является главной задачей его эстетического воспитания.

Моя «лекция», кажется, начинает Вам надоедать.

Ниночка!..

Уж в этом сезоне я наверняка буду о концертах в Баку. Мы с Вами, конечно, наговоримся обо всем вдоволь.

Искренне приветствую Вас

И. Д.

Публикацию подготовил
П. САВИН.

БАКУ.

** Речь идет о павильонах Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.